

Шестнадцать лет я вела в хабаровской газете «Молодой дальневосточник» рубрику «Поговорим».

С 1996-го по 2012 год! С ума сойти.

За это время, естественно, много чего случилось: кто-то умер, кто-то родился, кто-то уехал из страны навсегда, и только я все писала и писала свои глупые «поговоримки», пока не ушла работать в журнал.

Одних людей мои заметки сильно раздражали, и они писали мне злобные письма, не стесняясь в выражениях (ах, где ты, самый неустовый из моих недоброжелателей Дормидонт из Дормидонтовки? Отчего вдруг замолчал? Признаюсь — мне нравилось тебя нарочно злить). С другими читателями неожиданно завязывались нежные дружбы, и, по крайней мере, два человека мне стали теперь почти родными.

Думаю, что это — немало.

Хотя бы поэтому — не зря писала.

Да и вообще все на свете делается не зря.

Свои заметки я рассматривала как записные книжки к будущим произведениям (настоящих дневников и записных книжек я, к сожалению, отродясь не вела — ну, не мое это!) и утешалась тем, что, Бог даст, они когда-нибудь пригодятся. Случалось, кстати, что и пригождались.

Однако ж за шестнадцать лет заметок набралось столько, что Шахерезада отдохнула. Не говоря уж о братьях Гонкурах и любимом мною писателе Честертоне. Тот тоже зарабатывал на жизнь в основном тем, что вел в газете еженедельную колонку и даже не стеснялся иногда признаваться читателям, что ему не о чем сегодня писать, поэтому будет говорить о погоде. И писал блестящее исследование на сто строк о всех мыслимых и немыслимых оттенках серого цвета хмурого английского неба. Мне до него далеко.

Хотя о погоде я тоже один раз написала: «Все на “фэ”» называется. Но это не столько о погоде, сколько о восприятии жизни. Как, впрочем, и все остальные заметки. Из многостраничной болтовни я отобрала для этой публикации десять историй. Во-первых, потому, что, рассказывая их, я не хотела никого обидеть или специально разозлить, во-вторых, здесь я ничего не сочиняла — все так и было, как написано. (У нас ведь, писателей и журналистов, слегка, что называется, прилгнуть — святое дело.) И, в-третьих, кажется мне, в этих коротких текстах я изложила почти все, что поняла за семьдесят лет про нашу жизнь. Небогато, вероятно, усмехнетесь вы. Ну, что ж теперь... Сколько смогла.

БЕЗДНА БЕЗДНУ ПРИЗЫВАЕТ...

...голосом водопадов своих, да. В Библии так написано. И это — чистая правда. Не побоюсь признаться — тема сложная. Где-то даже трагическая. Она меня не первый год тревожит, и я давно хотела об этом написать, и когда-нибудь, Бог даст, напишу по-настоящему, не в ста строках, а эдак развезу вольготно в отдельную повесть, как положено — с прологом, действием, кульминацией, литературными реминисценциями, лирическими отступлениями и эпилогом, ибо сюжет того заслуживает.

А всего-то что случилось?

Бегу не так давно с работы домой — в одной руке сумка с продуктами, в другой — пачка памперсов для малыша. Поскольку из дома позвонили — у парня штаны закончились, спать ребенку будет не в чем.

У киоска с пивом меня тормозит стародавняя (с ума сойти, сколько времени утекло) знакомая (она лет тридцать назад печатала в нашей газете свои стихи, кстати, неплохие) и говорит:

— Привет!

Я говорю: привет.

— Пстой со мной немножко. Я тебе свои новые стихи почитаю.

Извини, говорю, тороплюсь, видишь — памперсы несусь, штаны у ребенка закончились.

— Ну и что случится? — спрашивает знакомая. — Обоссются твой ребенок?

— Ну да, — отвечаю. — Именно это с ним скоро и произойдет.

— Ничего страшного, — говорит знакомая. — Постираете. Ты лучше послушай, что я недавно написала.

И начинает читать стихи. Хорошие — без дураков. Их можно публиковать где угодно. В любом журнале.

Та самая библейская бездна, кстати, в них была упомянута.

— Ну как тебе? — спрашивает дама, делая глоток пива из банки и закуривая.

— Молодец, — говорю, — хорошо.

— Тебе правда нравится?

— Правда.

— А не печатают!

— Что, совсем нигде?

— Совсем.

— Ну, не знаю, — теряюсь я. — Ничем не могу помочь. Я журналами и издательствами не заведу... Я к ребенку тороплюсь. Извини.

Тетенька сардонически захохотала мне вслед.

А я, с одной стороны чувствуя себя махровой мещанкой и обывательницей, а с другой стороны (при чем здесь я — каждый сам свою судьбу вершит) — человеком совершенно посторонним, пошла нянкать своего младенца.

Нет, я все помню.

Как в конце семидесятых, когда я первый раз пришла работать в «МД», в редакцию явилась рыженькая серьезная девушка, студентка филфака, и принесла свои первые стихи. Их похвалили и напечатали — тогда газеты еще публиковали стихи. Невозвратное время — увы.

Потом прошли годы.

И лет десять назад у того же пивного ларька я повстречала бичиху. Рыжую и полубезумную.

— Займи десять рублей на пиво, — сказала она.

— На, — протянула я ей бумажку.

Я в таких мелких просьбах обычно никому не отказываю.

— А ты меня не помнишь? — спросила тетенька.

Я присмотрелась — что-то такое смутно забрезжило в памяти. Но не всплыло.

— Ну, «Молодой дальневосточник», семьдесят седьмой год...

— А-а-а! — сказала я. — Ты стихи писала?

— Да! — обрадовалась тетенька. — Я их до сих пор пишу. Хочешь послушать?

— Нет! — испугалась я.

— Тогда займи еще десять рублей.

— Легко, — сказала я и выдала еще одну бумажку.

Так наше периодическое общение и продолжалось все последние десять лет.

Обидела заметка в «ЖЖ» знакомой девушки, тоже выпускницы филфака:

«Была недавно на встрече выпускников. Под конец вечера появилась одна пьяная безумная поэтесса. Сказала, что мы все здесь — ничтожества и бездарности, а которые не бездарности — те тоже суки. Николашину все знаете? Мы с ней рядом живем. Встречаю ее на улице, говорю — дай десять рублей на пиво, хрен, зараза, хоть раз дала».

Нет, ну что за злостные клеветы? Я ли ей этих десятков не передала немереную кучу, и ведь ни разу не отказала. И где благодарность, я вас спрашиваю?

Хотя зачем мне ее благодарность...

А тетку в самом деле жаль. Она была талантливая. Даже до сих пор что-то сохранилось от бывшего огня.

Поэтому когда мамы приводят ко мне своих невинных розовых дочек и говорят: посмотрите, моя девочка пишет стихи, может быть, из этого выйдет толк? — я отвечаю: «За что вы так не любите свою девочку? Зачем вы ей желаете зла?»

— Как? — всплескивают ручками мамы. — Я желаю зла?

— Конечно, — говорю я. — Вы знаете, какая судьба ее ждет, если она в самом деле, всерьез, начнет писать стихи?

— Какая?

— Либо сопьется, либо покончит с собой, либо станет городской сумасшедшей.

Мамы бледнеют лицом и в ужасе ретируются.

Давно, кстати, не приходили. И слава богу.

«Первый в мире поэт Омир был слеп и нищий. Нам музы дорого таланты продают», — написал когда-то сумасшедший русский гений Константин Батюшков.

И он был абсолютно прав.

Если вы в силах заплатить такую цену — тогда вперед. А если нет — бегите от поэзии подальше.

Иначе закончите свою жизнь, как та умненькая рыжая девочка — у пивного ларька.

Потому что одно дело — бездумно рифмовать кровь-любовь-морковь, и совсем другое — случайно заглянуть в бездну.

Которая немедленно призовет на помощь другую черную бездну.

А с двумя безднами не всякий человек справится.

СЕМЬ ВРЕМЁН ГОДА, ИЛИ ВСЁ НА «ФЭ»

Почему семь времен, спросите вы, а не четыре, как известно из календаря, а также любимых интеллигентной публикой музыкальных циклов «Времена года» Вивальди и Чайковского?

Отвечу.

Потому что при Петре Ильиче, равно как и при Антонио Лючио, уроженце благословенной Венеции, тех времен, может быть, было и четыре. И они эдак

плавно, от зимы к лету, от скерцо к анданте, адажио и ларго перетекали одно в другое, и в мире царила гармония.

И розы красные цвели.

Допускаю.

Но не уверена.

Думаю, что и тогда в жизни бардака было не меньше, чем сейчас, просто люди были консервативнее и доверчивее. Сказали им, что времен года четыре, — стало быть, четыре, и точка.

А вот мы с коллегой насчитали семь, даже восемь.

Потом одно исключили.

Во-первых, потому, что семь звучит лучше, чем восемь, а во-вторых, где незавершенность, спрашиваю я вас, которую требуют современные каноны прозы, живописи и музыки?

Чет нынче не проходит.

Должен быть нечет.

Итак, семь.

Зиму миновали (человек пять мне уже радостно сообщили слово в слово: «Слава богу, зиму пережили»), но весна еще не наступила.

Февраль — март.

Такое странное межуточное время, когда не знаешь, во что одеться: утром холодно, днем жарко.

А девчонки молоденькие уже сняли шапки и теплые штаны. Сверкают непокрытыми головами и коленками в тонких колготках.

Фотомодели.

Королевишны!

Ну а нам, немолоденьким, куда деваться? Только кутаться в шали да вспоминать классиков: «Февраль. Достать чернил и плакать», а также «Форель разбивает лед».

Все почему-то на «фэ».

Февраль, фонарь, фанера (над Парижем), фикусы (почти засохли на мутном окне), форте и, соответственно, пьяно (зачем скрывать?), а также финики (в упаковке), фиги (в кармане) и тэ дэ.

В основном, разумеется, фиги.

Как-то, согласитесь, грустно.

Кстати, маленький мальчик Славушка вчера вечером в ванне рассказал мне тоже на «фэ» — «фкаску» (сказку).

Ловит пену и лепечет:

— Зили дедя и баба. Одиный! Пля-я-я-як... (Жили дед и баба, детей у них не было, поэтому они в одиночестве скучали и плакали). Фнег лепь. (Зимой решили что-то слепить из снега).

Сооружает при этом некую конструкцию из пены.

— И что же они, Славушка, слепили? Девочку Снегурочку?

— Неть! Кран!

— Да ну! Подъемный, что ли?

— Дя-я.

— А утром кран у них ожил и стал по дому работать? Помог дедушке дрова сложить, наверное...

— Неть. Кран фказал: «Ам давай!»

Страшная история.

Представить только: старые дураки, впав в полный маразм, вылепили себе игрушечку. Видимо, телевизора про стройки несостоявшегося коммунизма в свое

время насмотрелись. А индустриальный монстр утром очухался и заверещал: «Жрать несите!»

Прям Кафка какой-то, а не мальчик, которому еще трех лет не исполнилось.

Однако в начале марта может случиться и не такое.

Ибо всякая фантазия и всякий переход в это время опасен и, не побоюсь этого слова, сакрален.

Мосты и арки слегка зловещи.

Я даже ясным днем с замирающим сердцем ныряю под арку, если нужно свернуть с людной улицы в уединенный двор.

Я знаю, почему мне так неуютно.

Однажды в начале весны, много лет назад, в городе Владивостоке, в арочном переходе, мне повстречалась ветхая старушка с клюкой. Посмотрела на меня пронзительно.

Как-то очень недобро.

«Ведьма!» — подумала я и, похолодев, проскакала мимо.

Кстати, ведьмы рождаются именно в марте. Самое для них время.

Одна моя подруга, которая родилась в марте, ведьмой себя ни в коем случае не считает и ни в какую мистику не верит. Только говорит: «Меня нельзя обижать. И нельзя бросать. Все, кто меня бросили, — умерли».

И ведь вправду умерли — более того, не сказать, чтоб хорошей смертью, от болезни какой-нибудь затяжной, в свой назначенный свыше срок, а вот так — трам-па-ра-рам, в одночасье: кто на машине разбился, кто от инфаркта загнулся. В тридцать-то с чем-то лет!

Как бы рановато.

И она еще говорит, что не ведьма.

А та встреча со старушкой в подворотне тоже не прошла для меня даром, ох, не прошла...

Поэтому и боюсь переходов. И, в частности, марта.

Нужно радоваться не тому, что зиму пережили, а тому, что переход от зимы к весне миновали и уцелели.

Он самый непредсказуемый.

Дай нам Бог дожждаться момента, когда в городе будет тепло, красиво и чисто, и всплывшие из осевших зимних сугробов обрывки газет, пивные бутылки, шприцы, презервативы и собачьи какашки не испортят робкой надежды на то, что жизнь вдруг раз — возьмет и изменится, и станет, не скажу, волшебной, но хотя бы приемлемой.

Не на глухую «фэ», а на звонкую «вэ»: весна, веселье, вербочки, смутно виднеющаяся где-то вдалеке Вера (плюс, конечно, пристяжные к ней Надежда, Любовь и мать их София, то есть мудрость. Этой почтенной дамы нам особенно не хватает).

И по законам позитивной психологии нужно исправить «фказку» моего мальчика. Придумать ей счастливый конец.

Никакого унылого Кафки.

Никаких экзистенциальных ужасов.

Дед и баба накормили свою железяку самогоном, смазали постным маслом, а потом отдали в лизинг коммерсантам, и жизнь у них наладилась. И все у них стало на «вэ».

Вау!

ХОЛСТ 37 НА 37

Давным-давно, не помню, когда это было... (Зачин, как в чукотской сказке, извините.)

Короче, бабушка-чукча Саша вспоминает: миллион лет тому назад в журнале «Юность» было напечатано стихотворение одного начинающего (двадцать лет ему, кажется, всего-то было) гения:

*Холст 37 на 37.
Такого же размера рамка.
Мы умираем не от рака
И не от старости совсем.*

Чукча Саша пришла в неопикуемый восторг, и, как видите, до сих пор эти строчки помнит. Потому что юный гений высказал идею, которая мне, тогда еще тоже очень молодой, была близка: даже в маленьком холсте, написанном великим мастером, красоты и смысла больше, чем во всей нашей длинной, огромной, нелепой и несуразной жизни.

Люди умирают от тоски по совершенству.

Которое недостижимо в принципе. Разве что иногда в искусстве.

И Лермонтов от этой тоски умер, и Пушкин, и Чехов, и сейчас людишки продолжают мереть как мухи.

Но, боже, как зашпыняли, как заклевали во всех газетах и журналах этого несчастного гения, юного пессимиста! Леонид Губанов его звали, ежели кому интересно, посмотрите в Интернете. И, кстати, та подборка в «Юности» оказалась первой и последней официальной публикацией в его жизни. Остальное ходило в самиздате. И умер он молодым. Но дело не в этом.

А в том, что мальчишка был прав.

Я с какой стати его, собственно, вспомнила?

Недавно прочитала статью одного американского социолога в журнале «Сноб», который вдруг озаботился необычайно высокой смертностью в России. Статья, кстати, так и называется: «Отчего умирают русские?»

Исследование доброжелательное, что удивительно: американец даже с некоторым недоумением отзывается о наших социологах, которые любят сравнивать Россию с Зимбабве. Хуже, мол, люди живут только там. Да ничего подобного, оказывается: и пьем мы не больше других европейцев, и медицина у нас вполне современная (зимбабвийцам, по крайней мере, не снилась), да и уровень жизни в целом не так уж плачевен. Ну, в глиняных мазанках и соломенных хижинах мы уж всяко не живем и одной маисовой лепешкой в день не питаемся, верно?

А умираем молодыми и чаще, чем во всех других странах. Почему?

Американец честно признался, что за двадцать лет он так и не нашел ответа на этот вопрос.

Кризис? Так он везде кризис. Неуверенность в завтрашнем дне? А кто уверен, скажите, пожалуйста? И не надо на перестройку и «лихие девяностые» кивать — тенденция началась гораздо раньше, сразу после окончания хрущевской оттепели.

Такие дела.

«Есть некий специфический русский фактор, которому я никак не могу найти определения. Вероятно, он скрывается в области коллективного бессознательно-го», — заключает ученый.

«Правильно!» — бурно отозвались читатели в Интернете.

Русские всегда чувствуют себя несчастными, даже когда для этого нет никакого объективного повода.

И я вспомнила одного молодого человека, который работал переводчиком в Пекине и однажды рассказал весьма примечательную историю. Как раз в тему.

Едет он, стало быть, по китайской столице на какое-то ответственное мероприятие — форум там или симпозиум, не важно. Погода мерзкая — ветер и дождь. А на душе у него еще гадше. И вдруг замечает у обочины китайца, который торгует с лотка грошовыми тапочками. Тот стоит под дождем, улыбается, и лицо у него абсолютно счастливое. «Надо же, — подумал молодой человек. — У меня два высших образования, я хорошо зарабатываю, на мне туфли за двести долларов, я еду в дорогой машине встречаться с потрясающе интересными людьми, никто из моих близких не заболел и не умер, и я — несчастен. А этот продает тапочки за две копейки, зарабатывает себе на чашку риса в день, мокнет под дождем — и счастлив. Удивительно».

Да уж.

Но вот это — и есть отгадка.

А к чукчам я не зря примазалась. Отдаленные мои предки — коренные камчадалы. Там три народности живут — коряки, ительмены и чукчи. Мама говорила, что наши пра-пра — ительмены. Вероятно, она их себе из филологических соображений в пращуровы выбрала: слово незнакомое, а потому звучит интеллигентно.

Ну а мне больше нравятся чукчи.

Они смешнее.

И к тому же — всегда ждут рассвета.

Значит, почти счастливы.

ПЕТУХ КОСОЙ ПОДАВИЛСЯ КОЛБАСОЙ

Внук моих друзей, когда ему было четыре года, заявил, что решительно не понимает, почему люди празднуют Первое мая.

Про Новый год — понимает, и день рождения тоже, даже Восьмое марта у него не вызывает вопросов — бабушку и маму отчего ж не поздравить, он их любит, а вот что такое Первое мая?

Дедушка с ходу понес околесицу: мол, понимаешь, Темочка, много лет назад буржуи в Америке очень сильно эксплуатировали рабочих, а два замечательных человека — Сакко и Ванцетти — вывели угнетенных тружеников проклятого капитала на демонстрацию. И вот с тех пор...

Мальчик посмотрел на деда, как на картонного.

Ну, примерно, как на предвыборный плакат: «Голосуйте за...!»

То есть вообще ничего не понял.

Какая Америка? Какие буржуи? Какой такой, извиняюсь за выражение, Сакко? Равно как и примкнувший к нему Ванцетти.

— Не забывая ребенку голову всякими глупостями, — немедленно раздражилась бабушка. — Первого мая люди празднуют весну. Видишь, Темочка, травка уже зеленая, солнышко светит, птички поют, одуванчики зацвели. Отчего ж не порадоваться?

— Одуванчики еще неделю назад зацвели, — хмуро ответил мальчик. — И травка уже давно зеленая. Почему именно Первого мая надо праздновать?

Наблюдательный малыш. Вдумчивый, да.

Бабушка с дедушкой не нашлись, что ответить.

Но, к счастью, в этот момент в дом забежала соседка тетя Наташа, которая мгновенно внесла ясность в туманный вопрос.

— Да это замечательный праздник, Темка. Знаешь, как называется? «Первое мая, курица хромая, а петух косою подавился колбасой».

Тема захохотал и согласился, что праздник и впрямь выдающийся. Не каждый день петухи колбасой давятся.

Взял шарики и побежал во двор — делиться с друзьями этой прекрасной новостью.

...В минувшие выходные я почувствовала себя мальчиком Темой.

Впервые за тридцать с лишним лет посетила первомайскую демонстрацию. Совершенно не понимая — что за праздник такой и кому он нужен. Хотя, конечно, я в курсе — кто такие Сакко и Ванцетти. Точно — не карандаши с одноименной фабрики.

Но мне лично и они сами, и мировое рабочее движение, которое возникло с их подачи, глубоко фиолетовы, как говорит расхлябанная молодежь.

Зеленая травка и солнышко слегка радовали, врать не буду, но не настолько, чтоб куда-то с самого ранья переться и что-то кому-то демонстрировать.

А хромых на всю голову куриц и косых в дупель петухов я за долгую жизнь навиделась столько, что уже совсем неинтересно.

На Комсомольской площади, между тем, было многолюдно. Административный ресурс в городе Ха, я так поняла, работает исправно. Фактически исчерпаем.

Гремела музыка.

Я бы даже сказала — грохотала.

Сразу вспомнился нежно любимый мною классик русской литературы Василий Кириллович Тредиаковский. Ну и что, что косноязычный? Зато какой прикольный. А главное — в самую точку почти триста лет назад высказался:

«С одной страны гром.

С другой страны гром.

Смутно в воздухе.

Ужасно в ухе».

Именно.

В ухе — клянусь — до сих пор звенит.

Четыре молодайки на сцене разухабисто исполняли что-то псевдонародное. Типа — зажигали публику.

Угрюмая невыспавшаяся публика зажигаться никак не хотела. Молча переминалась с ноги на ногу.

Только одна древняя старушка и четверо ребятишек вдруг развеселились и пустились в пляс. Ну, старая и малые — святые души, даже умилительно было на них смотреть. Велели всем веселиться, вот и веселятся.

А девицы на сцене продолжали надрываться из последних сил:

— И-и-и-йех!!! Ликуюем! Ликуюем! Ручек не видим. Ручки все вверх подняли! Шариками машем. Ликуюем! И-и-и, йех!

Ага, щас.

Так и возликовали.

Прийти — пришли. Неприятностей на работе никому не хочется, если уж Советский Союз во всей своей неземной красе вернулся, и на демонстрации снова нужно ходить по разнарядке. Как и на выборы, кстати.

Ладно, это наша родина, сынок. Другой нет.

Но ликовать по команде — извините.

Что-то такое жалкое — вроде пятнадцати шариков над тысячной толпой все-таки взметнулось вверх.

«Вот это и есть ваш настоящий рейтинг», — злорадно подумала я.

А когда официальное мероприятие закончилось, воодушевилась и заорала (трезвая — буквально ни в одном глазу) во всю мочь и на всю площадь, а глотка у меня, когда надо, луженая:

— Славься, Родина родная! Ура, товарищи! С Первомаем вас!

Народ вокруг заржал и дружно подхватил:

— Ура!!!

Так что, простите, девушки на сцене, я — не певица — зажгла публику лучше вас.

Смешно.

Гораздо смешнее петуха, который подавился колбасой.

РУЛОН ОБОЕВ, ИЛИ ФОРМУЛА ДОБРА ОТ ПОЛИЦИИ

Недавно нас навестил один знакомый офицер полиции. Естественно, разговорились про их жизнь — как стражам порядка живется после реформы. В статусе полицейских.

«В целом — дурдом, — сказал офицер, — но есть и положительные моменты».

— Да ну? — удивились мы. — Например?

— Например, при задержании или обыске не нужно больше заморачиваться с понятиями. Думать, где их раздобыть в три часа ночи. Или даже днем. Понятых отменили.

— О-о-о! — вздохнули мы с коллегой. — Так вам теперь раздолье? Подсовывай наркотики и пистолеты — не хочу?

— Да глупости! — возмутился офицер. — Начитались тут дурацких детективов, насмотрелись сериалов... Ну, представьте: отслеживаем мы полгода какого-нибудь наркодилера. Телефоны прослушиваем, связи устанавливаем, своего человека в его окружение внедряем. Все фиксируется, пишется на диктофон и на видеокамеру. Наконец — этот момент может наступить внезапно — мы получаем информацию, что наркоторговцу доставили большую партию «товара». Значит, нужно брать. Выезжает группа захвата. Наш человек покупает наркотик, расплачивается мечеными купюрами, и преступника задерживают с личным. Зачем тут понятия? Все и так запотоколировано, заснято и записано. И на кой черт нам ему чего-то подбрасывать?

— Да, — согласились мы с коллегой. — В данном случае, конечно, незачем. Но как же классика жанра: «Коселек, коселек, какой коселек»? Что, хочешь сказать, такой сюжет у вас нынче неактуален? И вы ни на какие ухищрения не идете, если вам нужно задержать кого-то, хотя бы на время?

— Ха! — развеселился наш знакомый. — А тут уже вступает в силу формула добра. Ее как раз из этого фильма («Место встречи изменить нельзя» — А. Н.) вывели. Оперативники задержали карманного вора, но для этого им пришлось подбросить ему кошелек. В результате было раскрыто крупное дело. Значит, что?

Задержали — хорошо, подбросили — плохо, но поскольку результат в итоге получился положительный, стало быть, добро + зло = добро.

— Ты плохо учил в институте логику, — возразила моя коллега, которая, оказывается, учила этот мудреный предмет основательно. — Давай рассмотрим формулу по-другому.

Оперативники задержали карманника и раскрыли преступление — это хорошо. Но при этом они нарушили закон и права человека. Это очень плохо. Значит, добро + зло = зло.

Но поскольку постулаты в твоей и нашей части силлогизма совпадают, получается, что добро = зло. Так?

— Да ну вас, — обиделся знакомый. — Злые вы и сильно умные. Уйду я от вас.

Но не ушел, а рассказал чудную историю, как привели к нему недавно одну задержанную нетрезвую тетеньку, которая немедленно стала посылать всех нах, кричать, что ей надо покурить, выпить, пописать и так далее.

А он, как положено по закону о полиции, вежливо бубнил ей: мол, уважаемая Марьянна, успокойтесь. Давайте поговорим. Вы имеете право на один звонок родственникам, а также можете отвечать на мои вопросы только в присутствии своего адвоката и пр. — по тексту.

Тетенька в ответ ему минут десять вдохновенно рассказывала, кто он есть такой на самом деле, кто его мама и кем станут его дети, когда вырастут.

Наш знакомый в конце концов не выдержал:

— Если ты (пи), не заткнешься сию же секунду, я тебя так шваркну (пи) — мало не покажется.

И что вы думаете? Тетенька сразу резко утихомирилась и без запинки ответила на все интересующие собеседника вопросы.

— Да, — сказали мы, посмеявшись. — С цивилизованным обращением в России напряг. Видимо, добро у нас действительно должно быть с кулаками.

— Лучше с рулоном обоев, — уточнил офицер. — Он следов не оставляет.

Тут мы совсем развеселились, поскольку вспомнили старую хохму из «Красной Бурды» про чеченские фамилии: Парад Героев, Букет Левкоев, Ушат Помоев и тэ дэ. Рулон Обоев в этот ряд вписался просто отлично.

— А еще был Мешок Отходов, помнишь? — добавила коллега.

Как же не помнить? Однажды наша контора отправилась на пикник и вместо замаринованных шашлыков прихватила с собой мешок оставшихся от них отходов. Пакеты стояли рядом и были совершенно одинаковые. Эту страшную историю, наверное, даже наши дети будут своим внукам рассказывать. Ибо впечаталось в анналы навеки.

Короче, вы, наверное, уже догадались, к какому мы пришли выводу: рулон обоев и мешок отходов — это все, что остается от изначально задуманного добра. Которое равно злу.

Не мы придумали: формула такая.

МЫ — НЕ РАБЫ?

Вечно я во что-нибудь вступлю. Нынче вот ухитрилась попасть в домашнюю баптистскую церковь.

Из чистого любопытства: в православных храмах я, само собой, бываю, по крайней мере, два раза в год, в дни смерти мамы и папы — свечи за них ставлю; в католических тоже не один раз орган с удовольствием слушала; как-то посетила синагогу (не понравилось); бывала в индуистских и буддийских храмах — очень экзотично.

Только в мечети никогда не заглядывала и, наверное, уже не загляну (боюсь) и к баптистам не заходила. Тоже боялась. Думала, вдруг охмурять начнут так, что потом не отвяжешься.

А тут одна хорошая знакомая пригласила — мол, пойдемте, посмотрите, там все очень милые, интеллигентные люди, с ними приятно пообщаться, а после службы еще и кормят вкусно. Ведь вы же любите корейскую кухню?

Люблю.

А почему именно корейской едой кормят? Потому что церковь организовали миссионер-кореец из Америки и его жена. А-а, сказала я, понятно. И пришла к назначенному часу.

Мне было интересно.

Люди действительно оказались симпатичные и совершенно ненавязчивые, единственное, что позволило себе миссионер — вручить мне свою визитную карточку. Подумаешь. Я свои тоже раздаю кому ни попадя.

Потом два часа все сидели, пели хором про «очень хорошего Бога», читали вслух Евангелие и слушали проповедь про неисчерпаемый кредит доверия, которым Иисус Христос пользуется у людей. То есть, по аналогии с земными банками, в мировом небесном — он буквально самый главный VIP-клиент. Ну, может быть и так, но буду спорить. Я в банковском деле мало что понимаю.

Зато в Уголовном кодексе кое-что смыслю.

Так вот, в Послании апостола Павла колоссянам, которое как раз и разбирали в тот день прихожане по словам, как ученики в школе, говорится следующее: «Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим... И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человек». Дальше, конечно, и для господ есть наставление: «Оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах».

Понятно — апостол Павел жил во времена рабовладения и другого устройства мира даже представить себе не мог.

Но жизнь давно изменилась.

Использование рабского труда сейчас является уголовным преступлением и наказывается реальным сроком до пяти лет, а в особо тяжелых случаях — и до пятнадцати (ст. 127.2 УК РФ).

И вот что, скажите, делать бедным рабам, если им в руки случайно попадет священный текст? Слушаться апостола Павла или все-таки любыми способами вырваться на свободу, а потом бежать в полицию с заявлением?

Разумеется, в полицию.

Слава те, Господи, не в первом веке от Рождества Христова живем, а в двадцать первом.

Но тут возникает вопрос: если один пункт из наставлений Павла безнадежно и категорически устарел, то не относится ли то же самое и к другим христианским догмам?

Утверждению, например, что «всякая власть — от Бога» и противиться ей нельзя?

Ох, сомневаюсь.

Это Сталин-то был от Бога? И Гитлер. И Мао Цзэдун. И Ким Чен Ир, почивший не так давно, который довел свой народ до полного рабского идиотизма и тотальной голодовки.

А наш ВВП — тоже от Бога?

Ну, обхохочешься.

А еще у Павла есть наставления: «Жены, повинуйтесь мужьям своим», «Дети, будьте послушны родителям вашим во всем», и так далее.

Что нынче тоже очень спорно.

Я ни в коем случае не хочу кощунствовать, личность Павла мне глубоко симпатична — сама по себе, но мне, правда, было бы интересно поговорить обо всех этих расхождениях с реалиями современной жизни с кем-нибудь знающим, но незаикленным.

Однако затевать жаркий религиозный спор в приличном интеллигентном доме, где все действительно очень славные, приветливые и какие-то по-детски простодушные, мне показалось некомильфо.

Так и ушла с вопросами, как и пришла.

Больше не пойду.

Не мое это, видит Бог, — петь хором и читать вслух Евангелие.

Хотя накормили потом действительно очень вкусно — спасибо жене пастора.

А про Павла могу сказать одно — не все его слова устарели. Многие остались вне времени и даже над ним.

Я так думаю — и мы умрем, и дети, и внуки наши, а его определение любви останется:

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Из всего сказанного лично мне понятно лишь «не мыслит зла», и «не завидует», а все остальное — мимо.

Долготерплю отнюдь не долго; случается, увы, бесчинствую; раздражаюсь — бесконечно; ищу своего, не верю, не надеюсь, а когда переносить уже больше нет сил — тупо даю в лобешник.

На том любовь и кончается.

Но это, наверное, какая-то другая любовь — типа химической реакции в крови и временного помрачения в мозгу.

Апостол Павел совсем другую любовь имел в виду — настоящую. Безусловную.

Которой нам всем в жизни как раз и не хватает для счастья.

Мы, своенравные, можем так любить только маленьких, совсем несмышленных человеческих детенышей, вроде моего Славушки. Или разбалованных домашних собачек и кошечек.

В общем, что хочу сказать?

Если Бог не пошлет вам в Новом году такой любви — по апостолу Павлу, то постарайтесь хотя бы понять, что этот замечательный человек пытался сказать людям. Это уже будет много. Аминь.

ТРУСЫ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОГО РАЗМЕРА

Встретила на днях старого знакомого.

А он какой-то радостно-возбужденный весь из себя, взволнованный.

— Что-то, — спрашиваю, — хорошее случилось? Неужто орден дали за заслуги перед Отечеством?

— Нет, — отвечает. — Не дали, гады. И уже никогда не дадут — я ушел с работы. Теперь служу в другом месте. Не очень напряженно, к счастью.

Это точно, можно человека поздравить — прежняя работа у него была адава.

— А мне кто-то говорил, что и в личной жизни у тебя перемены...

— Да! Ушел от жены, купил квартиру и теперь свободен, как трусы шестьдесят восьмого размера без резинки.

Я закатилась на весь Хабаровск.

Если учесть, что знакомый мой — человек худощавый, едва на сорок восьмой потянет, то образ впечатлил.

— Хороший размерчик, — говорю, — в коленках не жмет?

— Есть маленько. Но я привыкаю. Правда, вскакиваю каждое утро, как дурак, по-прежнему полседьмого. Хоть никуда торопиться больше не нужно. А ведь уже проснулся! Что, думаю, делать? Почту электронную, что ли, посмотреть? Да пошла она, эта почта! Ящик включить? «Новости» там, то да се. Да пошли они тем более.

Так вот и маюсь каждое утро. Не знаю, чем себя занять. Но все равно, чувствую себя, как восемнадцатилетний. Будто только жить начал.

Ах, счастливый человек!

Хорошо чувствовать себя начинающим в пятьдесят с лишним. Это мобилизует.

Конечно, когда уже все есть, замечу в скобках — и имя, и добрая репутация, и деньги, и даже взрослые, все понимающие дети. С ними ведь не разводятся.

В общем, после пятнадцати минут общения он помчался куда-то по своим делам, а я, получив заряд молодой задорной энергии, весело занялась своими.

Подумала еще — какие у меня, однако, занятые приятели-мужики. Один в шестой раз официально женился (при этом только с первой женой прожил восемь лет, с остальными терпел совместную жизнь не больше двух, а когда я спросила: «Валерушка, на фиг тебе эти бесконечные заморочки: жениться, разводиться? Не проще ли жить с очередной бабой просто так, без регистрации?» — ответил: «Да мне-то все равно, а женщинам приятно. Они ведь хорошие. Они замуж хотят, чтоб все серьезно было...»

Трогательный.

Заботливый — куда бы деться.

Но дико свободолобивый.

Другой четвертый раз с нуля собственное дело начинает, и каждый раз события развиваются по одному и тому же сценарию. Сначала в голову ему приходит блестящая идея. Под эту идею собирается все: единомышленники, спонсоры, кредиты, офис по приемлемой цене и тэ дэ. На невероятном энтузиазме начальника и сотрудников примерно через год фирма начинает процветать. И процветает еще некоторое время — от трех до пяти лет (в самый первый раз процветала десять лет, но это ж когда было!), а потом начинается спад — тише, тише, ниже, ниже и, наконец, закономерно, финита ла...

Прилетели, значит, мягко сели. Кирдык.

Объяснить человеку, что все дело в нем, а не в жадных чиновниках и злых конкурентах — невозможно. Он умеет и любит работать только на взлете. Когда жизнь кипит, когда строятся планы, когда есть захватывающая интрига — нужно ведь кровь из носа обойти фирмы, которые давно на рынке. Наконец конкуренты остаются позади.

И тут ему становится скучно, муторно: ну что, в самом деле, за радость — каждый день тупо ходить на работу и просто так, без всякого напряжения, деньги зарабатывать? Они и так уже заработаны.

Да идите вы все лесом, говорит мой знакомый, и фирма разваливается.

Сейчас он четвертый раз в поиске. Хмуроват. Сосредоточен.

Но по тому, как время от времени начинает косить лиловым глазом, видно, что новая идея уже на подходе. Скоро все начнется сначала: единомышленники, которые ходят за ним, как коровы за пастухом, спонсоры (идиоты — я бы ему копейки не дала), кредиты, офис — и новая суперфирма, которая, конечно же, сразу резко пойдет на взлет, а потом тихо скончается...

Тоже, в своем роде, парень обременен трусами шестьдесят восьмого размера — свободы хапнул больше, чем нужно человеку. Или меньше. Может быть, я уж не знаю, ему исключительно сто девяносто восьмой окажется впору?

Но таких трусов на людей не шьют. Только чехлы на «Боинги». А мой знакомый все же не «Боинг», а нормальный мужик, уже немолодой, среднего роста и средней комплекции.

Видите, как интересно?

Свобода должна быть не впритык — шаг влево, шаг вправо (это — жуть) — и не безразмерной, чтоб в ней не запутаться и не упасть, а самый ужас — не потерять ее в спешке и не оказаться голым, как в дурном сне, при всем честном народе...

Ведь всякое бывает, согласитесь.

И, кстати, помните — в девяностых годах был популярный лозунг: «Берите суверенитета столько, сколько сможете унести».

Некоторым унесенной в спешке свободы не хватило, а у некоторых ее оказалось даже в избытке — что сегодняшние события нам ярко и демонстрируют.

Эмпирическим путем выяснилось: свобода и людям, и странам должна прийтись по размеру.

Ни больше и ни меньше. Однако чуть-чуть с запасом. На тот случай, если кто-то потолстеет.

А толстеть (или резко худеть) сразу начинают почти все.

Отсюда и дискомфорт, и митинги, и крики «Долой правительство!», и прочие, извиняюсь за выражение, индипенденсы.

Такая жизнь.

ТУДА, ГДЕ ЦВЕТУТ ЛИМОНЫ

Мне иногда говорят читатели — мол, Александра Викторовна, почему вы никогда о любви не пишете? А что о ней писать — все уже давно написано, к сожалению. Могу только какие-нибудь глупости вспомнить.

Например, папочка мой меня однажды сильно насмешил.

Он в молодости был повесой (сам признавался, причем с гордостью), девушки это чувствовали и словам его не шибко доверяли.

А некоторые, особо требовательные, просили совершить какой-нибудь отчаянный поступок во имя и в доказательство.

Так вот, чтоб одна красотка поверила в его бессмертную любовь, отец сточил на ее глазах пять лимонов. Без сахара.

Что характерно, не подавился, и худо ему не стало.

Ну, чуть-чуть, рассказывал, изжога потом помучила, ерунда.

Девушка зато впечатлилась.

К счастью, это была не моя мама.

Моя была все же поумнее.

А эта уж вовсе какая-то недотепа попалась. Пять лимонов ее поразили, надо же.

Идиотка.

И вот вам еще одна история про любовь, ближе к нашим временам и куда более печальная.

Жила-была в Хабаровске в начале девяностых годов одна симпатичная умненькая девочка. Студентка. И угораздило ее влюбиться во взрослого женатого мужика. Полного разгильдяя.

Тому, разумеется, было лестно, что такая славная умная девочка его любит, но не более того.

Разводиться и заново жениться он ни одной секунды не собирался, а девочка-то ждала, надеялась, всякие картины грядущего семейного счастья себе рисовала...

Но, поскольку была умна, быстро поняла, что ее персональный Город Солнца — такая же утопия, как и все остальные Города Солнца, плюнула на предмет своей девичьей мечты и скоропалительно вышла замуж за молодого человека, который, в свою очередь, был в нее безответно влюблен, и чуть с ума не сошел от радости, когда девочка вдрут согласилась.

Он, наивный, подумал, что она его тоже вдруг полюбила. Ну, оценила наконец его беспримерную преданность, а также редкий ум и талант.

Она, конечно, оценила — преданность, ум и талант и раньше в глаза бросались, слепой бы не заметил. Однако вот ведь в чем гадство нашей жизни и загадочность непостижимой женской души — не полюбила.

Хотя обязанности жены и матери (да, уже матери — у них ребеночек родился) не игнорировала. Справлялась вполне успешно.

Но молодого человека начали мучать страшные подозрения. Парень стал замечать, что в жизни своей обожаемой жены он исполняет роль некоего необходимого предмета мебели: что-то вроде шкафа. Открыли — закрыли.

Кофточку повесили. Трусики и полотенца аккуратно сложили. Тряпочкой дверцы заботливо протерли во время уборки.

И все.

А хотелось-то большего.

И вот он отважился на эксперимент.

Нарочно напился почти в лоскуты, хоть был к спиртному вполне равнодушен, приполз кое-как домой, пошумел, поронял ключи и вешалки в прихожей, потом плюхнулся в кресло перед телевизором.

Очень надеялся, что жена ему скандал устроит. Хотелось поругаться, потом сладко помириться, признать свою вину... Ну, чтоб все было, как у людей.

Утром с горечью мне рассказал (мы с ним вместе работали):

— Иду домой, натурально шатаюсь, думаю, сейчас жена мне скажет: «Ты — пьяный? С ума, что ли, сошел? А где молоко для ребенка?» А я отвечаю: «Молоко по дороге потерял. Так случилось — с ребятами случайно засиделись, прости, дорогая...»

А она, представляете, даже НЕ ЗАМЕТИЛА, что я — в хлам. Сказала только: «Есть хочешь? Иди на кухню, там рис с курицей, разогрей». Повернулась и ушла к сыну в комнату. И про молоко не спросила. Наверное, она меня совсем не любит.

«Ох, наверное!» — подумала я, но, конечно же, ничего такого не сказала.

И, конечно, они давно развелись.

Увы.

Если молодая жена ни по какому поводу никогда не закатывает скандалов, это необязательно означает, что у нее золотой характер и воспитание, достойное выпускницы Смольного института.

Скорей всего, муж для нее — пустое место. Перед пустым местом с какой стати разоряться?

...А своему разгильдяю эта девочка (ах, уже не девочка — сыну ее скоро двадцать лет стукнет, бежит время!) до сих пор письма по электронке пишет. Видимо, по-прежнему любит.

А ему по-прежнему лестно, что такая умная и красивая женщина его, старого дурака, не забывает.

Но опять же — не более того.

И, кстати, о лимонах, с которых я начала речь. У Гете есть хорошая строка: «Dahin, dahin, wo die Zitronen blühen!» (Туда, туда, где цветут лимоны!) Как раз о сути любви.

Поблизости эти проклятые цитрусовые не цветут никогда, даже если благоухают на родном подоконнике. Благоухают, да. Но мелкие какие-то, заразы, корявые. Тьфу.

Не те.

А те — всегда далеко.

ТЕРАПИЯ ОТ МАКЕРАНЦА

Одна девушка недавно меня сильно впечатлила рассказом о том, как она справилась с несчастьем, постигшим ее семью.

Отец ее был по-настоящему богат. Не бандит, нет, но, видимо, бизнесмен от бога. Одним из первых, когда началась перестройка, сообразил, что к чему, и сумел раскрутиться практически с нуля. За несколько лет создал в крае сеть собственных магазинов и всяких-разных фирм и фирмочек, построил для семьи прекрасный коттедж с видом на Усури, дочку, которая и без того хорошо училась в Академии экономики и права, каждый год отправлял на каникулы в Америку — чтоб язык осваивала и ума-разума набиралась. Новый год всей семьей встречали в Таиланде, на Сайпане или на Бали. В общем, все у них было в шоколаде.

А потом случилась катастрофа.

Отца застрелили конкуренты. Они же наложили лапу на все имущество, и очень быстро семья осталась без гроша.

Натурально.

— Знаете, как мы встречали 2001 год, новое то есть тысячелетие? Врагу не пожелаю.

Из коттеджа мы переехали в старую задрипанную «хрущевку», мы в ней черт-те когда жили, спасибо, папа не продал ее на всякий случай. Мама от всех этих ужасов слегка умом тронулась, работать не смогла, в основном лежала на диване и плакала. Маленькую сестренку пришлось забрать из элитной гимназии, музыкальной школы и спортивной секции. Платить стало нечем. Я тоже ушла из института. Перевелась на заочное — кто-то ведь должен был кормить семью? Устроилась уборщицей аж в три места, но, сволочи, во всех трех местах зарплату перед Новым годом не выдали. Потом, сказали, заплатим. И вот у всех людей праздник, все с подарками, с елочками и апельсинами домой бегут, а у нас — булка хлеба, чай без сахара — какое шампанское? — и огромный кабачок в пустом холодильнике. Соседи еще осенью подарили.

И это — Новый год, можете себе представить? Я тогда дала себе страшную клятву, что такого Нового года в моей жизни больше никогда не будет. Я лучше содхну, но голодать не буду. И мама с сестрой подобного унижения больше никогда не переживут.

Ну, прямо Скарлетт О'Хара: «Я буду землю грызть...» Умница.

Она закончила заочно свою академию, нашла достойную работу в хорошей фирме, потом основала собственное дело, и сейчас в этой семье опять царят мир и благополучие. Из «хрущевки» все перебрались в приличную квартиру, сестренка заканчивает престижный вуз, девушка (уже, конечно, не девушка, а настоящая бизнесвумен) уверенно рулит делами, мама вышивает картинки по канве и готовит обеды и ужины.

Ничего, слава богу, пережили катаклизм, справились. Чего и всем нам желают. Но я бы так не смогла.

Не тот характер, не тот темперамент. И способности к бизнесу — нулевые.

Я нахожу утешение в «Терапии от Макеранца».

Для справки: Владимир Ильич Макеранец — известный человек в мире кино, оператор, сценарист и режиссер. Жизнь у него складывалась тоже не шибко гладко, наверное, поэтому он и изобрел свою «терапию».

Цитирую почти дословно. С некоторыми сокращениями. Думаю, это нам всем, ленивым, незэнергичным и не обладающим даже в зачатке способностями бизнесменов и бизнесвумен, «гнилым интеллигентам», как говорили раньше, полезно знать. А иногда даже помогает.

Итак, терапия. (Особенно помогает в понедельник с утра. — Примечание автора.)

1. Этот мир несправедлив. Просто запомни.

2. Ты не уникален. У тебя те же самые две руки, две ноги, голова и ж..., что и у девяноста процентов населения. Поверь, ничего выдающегося в тебе нет. А чтобы было — иди работай над собой: или руками, или хоть посуду помой. И вовсе ты не творческая личность, которую никто не понимает.

3. Твои «глубокие» мысли не представляют никакой ценности. Совсем. Да, ты обыкновенный и говоришь банальности. Ну и что? Не всем надо в Шопенгауэры. Самые важные вещи просты и понятны.

4. Всем плевать на твои проблемы. У них есть свои. Это нормально, потому что тебе в глубине души на чужие сложности тоже плевать.

5. Прекрати париться, что о тебе думают люди. Во-первых, они не так часто думают, во-вторых, им на тебя плевать, а в-третьих, они норовят сами заморочиться, что думаешь о них ты.

6. Не ной. Можешь решить проблему — решай. Решешь — молодец. Не можешь — закрой рот и ешь суп.

7. Ты смертен. Порой внезапно. Имей это в виду. И радуйся, что жив. Это ненадолго.

8. Надейся только на себя. Жизнь длинная, в ней бывает всякое, кроме того, см. пункт первый. Если ты считаешь, что избежешь проблем, потому что у тебя много денег, крутые родители и востребованная профессия, то мне жаль тебя огорчать, но куча народу в 1917 году думала схожим образом. А Кромвель с Робеспьером вообще смотрят на тебя как на говно.

9. Ставь перед собой реальные задачи. Ты не станешь богаче Билла Гейтса и не переспишь с половиной Голливуда. Осознай это уже, см. пункт первый и иди мой посуду, мечтатель.

10. И это пройдет. И это — тоже...

Да это ж просто царь Соломон какой-то новый, а не режиссер и кинооператор.

Поэтому смиримся с тем, что есть, и пойдем в самом деле помоем посуду — сколько ей можно немойтой стоять? Или обои переклеим. Или с ребенком погуляем. Да мало ли?

